

«Мама... их еда остывает. Куда Альберт мог мог их повести?»

Пэрис и ее свекровь в данный момент находились в гостевом зале. Они уже давно ждут Викторию и ее друзей, но они все еще не пришли. Они были так взволнованы, что даже сказали слугам приготовить еду, положив закуски на другой стол.

Пэрис даже подготовила комнаты на случай, если друзья Виктории захотят переночевать. Это могло показаться чрезмерным, но для Пэрис этого было недостаточно. Это был первый раз, когда Виктория приводила и представляла им своих друзей.

Она даже не была уверена, есть ли у Виктории друзья с самого начала. И теперь, когда этот момент настал, Пэрис переживала о том, чтобы о ее друзьях позаботились с максимальной осторожностью.

«... Может, они и вправду пошли в лес?», - ее свекровь глубоко вздохнула и положила руку себе на подбородок.

«Мама, это невозможно», - покачала головой Пэрис, тихонько вздохнув, - «Даже если это Виктория, я уверена, что она не приведет своих друзей к Эдварду, как только они появятся»

Пэрис пару раз кивнула, убеждая себя. Даже если бы ее дочь была немного глупая, конечно, она бы не подвергла опасности своих друзей... да? Конечно, она могла быть безрассудной, но даже у нее должны быть пределы.

"Мадам!"

Именно тогда в дверь постучала служанка: «Мадам Шарлотта!» - крикнула она, войдя в гостевой зал.

«Что такое?!», старуха Шарлотта быстро встала со своего места и посмотрела на горничную.

«Кто-то... из садовников сказал, что видел Викторию раньше, - заикалась горничная. - Она и еще несколько учеников вошли в лес!»

"..."

«М... может они просто прогуливаются по лесу?» - Пэрис не удержалась и нервно усмехнулась.  
"Конечно, они не ..."

"Граах!"

Прежде чем Пэрис успела закончить свои слова, им в уши донесся громовой рев, раздавшийся извне.

"..."

«М... может, тебе стоит пойти, мама?», - сказала она, глядя на свекровь.

Шарлотте оставалось только щелкнуть языком от разочарования, когда она выскочила в окно, разбив его на тысячу частей, и выпрыгнула из особняка.

Пэрис не могла удержаться от глубокого вздоха, глядя на горничную, которая принесла новость. «Ты можешь попросить кого-нибудь заменить окно до прихода наших гостей?», - небрежно сказала она.

«Д ... да, мэм», - почтительно заикалась горничная, прежде чем склонить голову и покинуть гостевой зал.

Оставшись одна в комнате, Пэрис снова глубоко вздохнула, позволив себе упасть на диван, медленно погружаясь в себя. Затем она посмотрела на разбитое окно и прошептала: «В какой семье я вышла замуж...»

Ее муж всегда был в подземельях и был дома только во время важных событий. Пэрис нахмутив брови, вспомнив, как он опаздывал при рождении Виктории.

Ее сын всегда был голоден.

Дочь делает все, что хочет, даже не задумываясь о последствиях. Она думала, что когда она станет старше и станет подростком, она немного станет нормальной. Но единственное, что с ней сделал возраст, - это сделал ее еще более безрассудной. Что еще хуже, она мало с ней разговаривала.

И ее свекровь. «Ух», Пэрис вздохнула, снова взглянув на разбитое окно.

Ее свекровь большую часть времени всегда находилась в изоляции, почти не проводя времени с внуками. Конечно, она любит Викторию. Но она почти не разговаривает с ней, так как несколько боялась, что причинит ей боль, она даже ни разу не брала на руки своих внуков, даже когда они родились.

Она была слишком сильной. Аномально сильной. Пэрис было немного грустно из-за этого.

Пэрис должна была обо всем позаботиться, как только она вышла замуж в семью. Расходы, ремонт, споры... все.

Хотя на самом деле она не жаловалась. Она была просто ... разочарована.

Она была...

одинокой в семье. Пэрис подумала, и снова вздохнув. Было даже ощущение, что она жила в доме одна со слугами.

Если бы только Эдвард снова стал человеком. Она была уверена, что когда-то он станет нормальным.

Когда она родила Эдварда, Пэрис не хотела отпускать его, так как он был слишком милым. И когда Эдвард слегка икнул, она хотела, чтобы объятия длились вечно, чтобы защитить его от всего. Но, конечно, ее тело было слишком уставшим, что заставило ее закрыть глаза, и она медленно потеряла сознание.

А когда она проснулась, она нигде в комнате не могла увидеть своего ребенка. Она закричала и запаниковала. Свекровь Шарлотта пыталась ее успокоить.

Она умоляла и просила, увидеть Эдварда, но Шарлотта не позволяла ей видаться с ним. Бесчисленные мысли бились в ее голове. С ним что-то случилось? Он... он умер?

Единственное, что сказала ей Шарлотта, это то, что что-то случилось, и Эдварда нужно запереть в комнате. Но Пэрис настаивала, она хотела видеть своего ребенка любой ценой.

И поэтому, хотя ее тело все еще было слабым, а ноги не могли нести ее, она ползком бросилась в детскую.

Когда она открыла дверь в то место, где держали Эдварда, ничего необычного не было. Были только слуги, которые были потрясены, увидев, что она вошла в комнату. Они пытались остановить ее, но она бы себе не простила, если бы позволила себя остановить.

Прямо посреди комнаты стояла детская кроватка. Глаза Пэрис заблестели, когда она медленно поднялась с пола. Подойдя к кроватке, она даже пошатнулась. Ее лицо было так взволновано, когда она снова увидела своего ребенка ...

Но когда она увидела, что было в кроватке, она чуть не вскрикнула. Но она не позволила себе этого и прикрыла рот.

Она знала... она знала, что в кроватке спит ее ребенок. Теперь он выглядел совсем иначе. Но даже в этом случае она знала, что он ее ребенок, и не хотела его будить.

И в ее глазах он мог быть только красивым.

Она медленно и осторожно подняла его, даже с его шестью конечностями и непропорциональным телом, даже с его головой, отличной от человеческой, она обняла его и позволила ему поесть ее молока.

Потому что независимо от того, как выглядел Эдвард, он был ее ребенком, ее новорожденным сыном.

Позже она узнала в тот день, что Эдвард слишком рано разблокировал свою Систему. Всего через несколько минут после того, как Пэрис потеряла сознание, Эдвард начал трансформироваться.

<http://tl.rulate.ru/book/49758/1272328>